

прежде времени мучить насъ“ (Марк. 1, 24; Матѳ. 8, 29). О томъ, что пришедшій Господь нашъ Иисусъ Христосъ имѣлъ поразить и сокрушить ихъ разнообразными способами, безъ сомнѣнія знали и сами они, изъ великой молвы о Немъ у Израильтянъ, однакожь обвиняли Его въ несвоевременности пришествія, надменно и злостно порицая время Его явленія. Впрочемъ „прежде времени“ говорятъ, отнюдь не какъ подвергшіеся мученіямъ въ другое какое либо время, но какъ ожидающіе одного времени пришествія, въ которое они безъ сомнѣнія должны были потерпѣть ожидаемое. На это скажемъ и вотъ что: если, между тѣмъ какъ тотъ связанъ, по толкованію нѣкоторыхъ, другой кто-то прельстилъ Адама и еще не прекращаетъ той ярости, въ которой обвиняется; то первый будетъ совершенно безвиненъ въ отношеніи къ намъ, его справедливо надо будетъ освободить отъ всякой вины, онъ ни убилъ никого, ни прельстилъ, ни обманулъ, — и не къ нему по справедливости будутъ относиться слова Бога: „какъ одежда, въ крови замаранная, не будетъ чиста, такъ и ты не будешь чистъ, потому что землю Мою погубилъ и народъ Мой убилъ“ (Иса. 14, 19—20). Если поэтому допустимъ, что сейчасъ перечисленнымъ злодѣяніямъ непричастенъ тотъ, кого и первымъ называютъ, то кому же, должны опредѣлить мы, подражаетъ второй послѣ него или чей образъ носить онъ, превосходя въ злодѣйствѣ своего вождя и имѣя еще болѣе грубая, чѣмъ тотъ, черты худости? Быть можетъ не безинтересно бы войти въ болѣе обширное изслѣдованіе этого предмета, но почитаемъ излишнимъ слишкомъ распространяться о томъ, въ чемъ не имѣемъ (теперь) большой нужды.

Итакъ, надо обратиться къ другому толкованію и

тщательно изслѣдовать, кого Христосъ назначаетъ Іудеямъ въ отца, имъ единоправнаго и единомысленнаго, коего отцомъ долженъ справедливо считаться демонъ, то-есть извѣстный злоначальникъ Сатана. Такимъ образомъ относитъ ихъ (Господь по отцу) къ Каину, который первый изъ всѣхъ людей обличается въ нелюбви къ цѣломудренному (Авелю) и послѣ того Сатаны оказался началомъ зависти, убійства, коварства, лжи и прелести, коего (Сатаны) по всей справедливости онъ можетъ быть названъ и сыномъ, какъ отпечатлѣвшій въ себѣ весь образъ лукавства его. Вѣдь какъ у всякаго святаго и праведника отцомъ мыслится Богъ—начало освященія и праведности всѣхъ, такимъ же, думаю, образомъ и у всякаго злодѣя справедливо долженъ считаться отцомъ Сатана—начало всякаго злодѣйства. А какъ Каинъ данъ Іудеямъ въ отца, а самому Каину—Сатана, согласно сказанному нами, то, слѣдуя ихъ же (Каина и Сатаны) собственнымъ словамъ, мы опять постараемся ясно доказать: во первыхъ, что Сатана возстаетъ противъ обвиненій со стороны Бога, потомъ—что онъ обманщикъ и лжець, наконецъ—что онъ убійца по зависти,—а показавъ Каина единоправнымъ и одномысленнымъ съ нимъ (Сатаною) перенесемъ потомъ рѣчь къ (третьимъ) Іудеямъ, имѣющимъ въ себѣ цѣлый образъ худости его (Каина).

Какъ бы не признавъ почтеннымъ свое достоинство, но желая гораздо высшаго своей природы и не сохранивъ границы своего чина, Сатана былъ низверженъ и палъ, какъ бы уличенный чрезъ это отъ Бога и для наученія знать мѣру своей природы. Но по своему упорству не получивъ отсюда никакой пользы, онъ сталъ страдать еще худшею порочностію, нисколько не заботясь о стремленіи къ исправленію своего настроенія, а постаравшись остаться какъ бы въ

неподвижности порочности своей. Когда же былъ созданъ Богомъ первый человѣкъ, согласно повѣствованію Моисея, и продолжалъ еще соблюдать данную ему въ раю заповѣдь, разумѣю о дровѣхъ, то первый возгорѣлся завистью Сатана, будучи какъ бы обличаемъ въ своемъ преступленіи и непослушаніи (Богу) первозданными, пока они соблюдали еще данную заповѣдь,—и хитросплетенными прельщеніями старался увлечь ихъ къ преслушанію. Зная же, что должно послѣдовать за пренебреженіе постановленій Великаго Царя, убѣждаетъ ихъ сдѣлать это и тѣмъ ввергаетъ не причинившихъ ему никакого вреда въ крайнія бѣдствія. Что дѣйствительно преступленіе Адама было дѣломъ діавольской прелести и зависти и чрезъ него (преступленіе) явилась смерть, этому научить какъ самая природа предмета, такъ и со всею ясностію покажетъ слѣдующее изреченіе премудраго Соломона: „Богъ смерти не сотворилъ, но завистью дівола смерть вошла въ міръ“ (Прем. Сол. 1, 13; 2, 24). Здѣсь ясная рѣчь о немъ (Сатанѣ).

Вторымъ потомъ пусть Каинъ выступить предъ нами. Онъ былъ первенецъ Адама, земледѣлецъ по занятію. Вторымъ у него родился Авель, но онъ былъ пастухомъ овецъ. Такъ какъ естественный законъ, безъ наученія влагающій знаніе о Творцѣ, повелѣвалъ имъ приносить жертву Богу,—ибо все доброе всѣяно и вложено въ природу Богомъ: то принесъ „Каинъ отъ плодовъ земли“, какъ написано, „а Авель принесъ отъ первородковъ овецъ и отъ туковъ ихъ,—и воззрѣлъ Богъ на Авеля и на дары его, а на Каина и на жертвы его не внялъ (не обратилъ вниманія),—опечалился Каинъ (опечалилъ Каина) и поникъ лицомъ, и сказалъ Господь Богъ Каину: почему печаленъ сталъ ты и почему поникло лице твое? если не

принесъ ты справедливо и справедливо не выбралъ, развѣ не погрѣшилъ? успокойся“. Потомъ къ Авелю: „къ тебѣ отвращеніе его и ты возобладаешь имъ“ (Быт. 4, 3—7). Итакъ, Каинъ обличался въ томъ, что неправильно раздѣлилъ принесенное (въ жертву), а Авель справедливо удостоивался похвалъ и чести, что и послужило пищею зависти у Каина. Также какъ и Сатана онъ ожесточался противъ вразумлявшихъ его обличеній, а потомъ, одержимый неправедною завистью, какъ мы сказали, коварствомъ преслѣдуетъ брата, уже замысливъ нечестивое убійство: „сказалъ Каинъ Авелю брату своему: пойдѣмъ на поле другое, лучшее этого“ (ст. 8), и его, ничего не подозрѣвавшего, притворно позвавъ на пріятную и роскошную долину, умертвилъ звѣрски и впервые далъ землѣ мертвеца въ той, какъ кажется, мысли, что навѣрно онъ заслужитъ уваженіе къ себѣ, какъ неимѣющей уже соперника себѣ. Но и послѣ убійства лгалъ, ибо когда Богъ спросилъ его: „гдѣ Авель, братъ твой?“ (ст. 9), онъ отвѣтилъ: не знаю и отъ превеликаго безумія прибавилъ сейчасъ же: „развѣ сторожъ брата моего я?“ Едва не говоритъ такъ: Ты, увѣнчавшій его несправедливо, какую пользу принесъ ему, охраняя его? Итакъ, уже вполне ясно можешь видѣть въ немъ какъ бы точно отразившійся цѣлый образъ діавольскаго зла и совершенно полное подобіе его нравственнаго облика.

Теперь наша рѣчь пусть перейдетъ прямо къ безбожію Іудеевъ: усвоивъ имъ подобіе съ порочностію Каина, покажемъ, что они предпринимали противъ Христа тоже, что тотъ противъ Авеля, дабы уже съ полною справедливостію и основательностію онъ могъ называться отцомъ ихъ. Итакъ, первородный былъ Каинъ, какъ мы сказали, но первороднымъ по усы-

новленію между чадами Бога былъ также и Израиль, по сказанному къ Моисею: „сынъ первородный Мой Израиль“ (Исх. 4, 22). Тотъ принесъ въ жертву Богу отъ плодовъ земли, но „не внялъ жертвамъ Его“ Богъ, какъ написано (Быт. 4, 5). Но вѣдь и служеніе подзаконное Израиля, по сказанному, оказывается какъ бы земнымъ, чрезъ тельцовъ, овецъ и плоды отъ земли,—и Богъ также не приѣмлетъ и это служеніе. „Для чего Мнѣ, говоритъ, ладонь отъ Савы несете и киннамонь (благовонный тростникъ) изъ земли издалека?“ (Іер. 4, 20). Также и гласомъ Исаи громко взываетъ: „кто требоваль этого отъ рукъ вашихъ?“ (Иса. 1, 12). Потомъ послѣ Каина появляется Праведный Абель съ намѣреніемъ принести жертву отъ овецъ, ибо послѣ подзаконнаго служенія и съ прекращеніемъ пророковъ пришелъ истинный Праведникъ Христосъ, принося въ жертву Богу и Отцу не плоды отъ земли, но Себя Самого вознесши въ благоуханіе Ему, какъ жертву непорочную за жизнь и спасеніе всѣхъ. И отвергая служеніе подзаконное, какъ земное, Богъ и Отецъ „внялъ“ жертвѣ Спасителя нашего Христа. „Внялъ“ же означаетъ: одобрилъ. Что же еще потомъ? Каинъ подвергся порицанію, какъ раздѣлившій (выбравшій) не право и, обличенный, подвергся недугу зависти, даже безразсудно устремляется къ убійству. Такъ и чрезъ сына Богъ давалъ внушеніе Іудейскому народу, требоваль отъ Іудеевъ лучшаго для дароприношенія, повелѣвая отъ подзаконнаго служенія перейти къ духовному плодоношенію и побуждая перемѣнить букву на истину. Но, избличаемые, они негодуютъ, поражаются отеческою завистью, пылаютъ убійствомъ, и притомъ несправедливо, противъ Спасителя нашего Христа. Каинъ обманулъ Авеля и уведши въ поле умертвилъ его. По-

добнымъ же образомъ и Іудей, сколько это касается ихъ самихъ, обманули Христа, подъ видомъ друга пославъ предателя, который для преданія Его, подойдя, коварно поцѣловалъ, сказавъ: „радуйся, Равви!“ (Матѳ. 26, 49). Но и выведши Его въ поле, то есть за ворота, умертвили, ибо „внѣ вратъ“ (Евр. 13, 12) пострадалъ для насъ и за насъ Христосъ. Видишь отсюда, какъ совершенно никоимъ образомъ не подобными оказываются Аврааму или его потомкамъ, но носятъ образъ своего собственнаго и дѣйствительно подобающаго имъ отца. Какъ безмѣрно страждущіе сообразнымъ и родственнымъ ему зломъ, они справедливо слышатъ: „вы отъ отца діавола есте и похоти отца вашего хочете творить: онъ человекоубійца былъ отъ начала и въ истинѣ не устоялъ (не стоитъ), потому что нѣтъ истины въ немъ: когда говоритъ ложь, отъ своего говоритъ, потому что лжецъ есть какъ и отецъ его ¹⁾: Я же—потому что истину говорю вамъ, не вѣруете Мнѣ“.

¹⁾ Конецъ 44 ст.: „потому что лжецъ есть (какъ) и отецъ его“ имѣетъ разночтенія и разнотолки. *ѣт* въ слав. яко кромѣ Ал *заке*—въ значеніи причиннаго союза, какъ Ит и Вг *quia* Гот *nam* Тац у Сіаска: *quia* Сир пеш и сін *metel d ier d'* Копт. (изд. Оксф. 1898) Ирия (V, 22, 2) *quoniam?* Елиф (Наег 38, 4; 40, 5; 66, 63) Кир Ал (здѣсь) Злат Авг. др. Это—налюбленная частица причинная у Іоанна (*уак* встр. у него сравнительно рѣдко, дважды—*ἐπεὶ*).—*ψεύστης ἐστὶ* слав. *лѣжъ* Остр., *лѣжъ* Зогр Сим Гал, *лѣжъ* Мар Асс Мир Ник, *ложъ(ъ)* Ал. Это—прилаг.—*ложивый, лжецъ*, а сущ. жен. р. *лѣжа*—*ψεύδος*, лат. и Вг. *mendax*, тоже Гот. Сир. въ отличіе отъ предш. существительнаго *mendacium*.—*καθὸς καὶ* Кир. такое же чтеніе повторяеть еще Puz. p. 104 (ниже въ толк. 46 ст.) и 94 (выше въ нач. толкованія 44 ст.) и въ толк. на прор. Михея Puz. 651) и *ὡσπερ* (здѣсь въ толк. Іоан. 8, 44 p. 95), *ὡς* безъ *καὶ* мин. 157, *ὡς καὶ* Игн Ант Philad. VI, 1—2 распр. ред. Лат: *sicut et a b c e ff2 l* (нѣк. оп et). Также повнд. Копт. (Мемф. ed. Oxf. 1898): „потому что (онъ) есть лжецъ, и отецъ его также“, т. е. такой же лжецъ. Но въ другіе чит. только *καὶ*—et Вг. Лат. f и g Сир. пеш. *orph-etiam*, іер *vooph-et etiam*, но сін только *v-каὶ*—et,—также въ Слав. (Ассем. и одно 15 в. Амф. оп и). Также и толки даются разные. Одни разумѣютъ отца діавола или *δι.μίυρα* (это толкованіе упоминается и опре-

Изреченіе хотя и имѣетъ въ виду приведеннаго здѣсь и указаннаго въ качествѣ отца Іудеевъ Каина,

вергается здѣсь Кирилломъ,—Ипполитъ въ Философуменахъ усваиваетъ это толкованіе Ператамъ V. 15 Migne XVI. 3. 3178. а,—сюда же быть можетъ надо присоединить Псевдо—Іустина Cohort. ad gentes с. 21,—у Епифанія трижды цитруется текстъ въ отдѣлахъ о гностикахъ—Каинитахъ XXXVIII, 4 Dind. 2, 275, Архонтикахъ XL, 5 ib. 294—295 и Мавихеяхъ LXVI. 63. ib. III. 1. 87,—тоже Августинъ In Ioann. tr. XLII, ed. Bened. Paris. 2—а, III. 2. col. 2108,—въ связи съ еретиками, учившими о низшемъ богѣ, неправомъ и виновникѣ Моисеева закона, приводитъ текстъ и Оригенъ, хотя толкуетъ иначе, Migne XII. 289. d—292 а др. Другіе, какъ и св. Кириллъ, подъ *человѣкоубійцею отъ начала* разумѣютъ Каина и Іуду, какъ чадъ діавола, а подъ *потому что лжизъ (какъ) и отецъ его*—діавола, какъ отца ихъ (ср. Афраата ed. Parisot, col. 784 lin 9—10: „и Спаситель сказалъ къ нимъ: сыны вы есте Каина, а не сыны Авраама“,—Епиф. Haeg. XLVI, 63, Dind. III. p. 88—89). Третьи, принимая *ὁ πατήρ* за сказуемое, подъ *αὐτοῦ* разумѣютъ *ψεύστου*: онъ—лжецъ есть и онъ есть отецъ его—лжеца, т.-е. Каина, Іуды, всякаго лжеца—грѣшника (ср. Поликарпа Philipp. VII, Игнатія Philad. распр. ред. VI, 1—2,—Псевдо-Клим. Рим. Homil. III. 25 ed. Schwegler p. 97,—сюда же быть можетъ надо отнести и вышеприведенный цитатъ изъ Псевдо-Іустина Cohort. ad gentes с. 21,—Климентъ Алекс. Strom. 1, 17 Pott. 368—369,—Оригенъ XII, 292. а ср. 1195. а, 1196. а, 359. а др.,—Дидимъ, Златоустъ, Августинъ, Ефремъ, Макарій др.). Имѣются наконецъ въ древности и слѣды отнесенія *αὐτοῦ* къ дальнѣйшему предшествовавшему *ψεύδος*, очевидно чрезъ олицетвореніе его въ личномъ и ближайшемъ *ψεύστης*. Такъ въ Арабскомъ текстѣ Таціанова Діамессарона по изд. Ciasca (cap. 35, pag. 136, lin. 3—4), согласно библейскому арабскому тексту у Walton'a, чит. такъ: „и когда говорятъ *ложь* (כִּזְבוּבֵי—כִּזְבוּ) Библи, כִּזְבוּבֵי Ciasca—оба жен. р. ед. ч.), отъ своихъ (своего) говорить, *потому что онъ* (כִּזְבוּבֵי) *есть лжецъ* (Библи. כִּזְבוּבֵי Ciasca כִּזְבוּבֵי—сущ. или прил. муж. р. ед. ч.) *и отецъ лжи* (Библи' и Сі: כִּזְבוּבֵי—כִּזְבוּבֵי). Правда, Ciasca внизу подъ чертою приводитъ вариантъ безъ сигла: כִּזְבוּבֵי—*и отецъ его*, (суфф. муж. рода—*лжеца*, а не „*ея*“—т.-е. „*лжи*“—жен. рода), но принадлежитъ ли вариантъ собственно Таціанову Діамессарону или Библейскому тексту,—откуда онъ взятъ и не есть ли это конъектура самого Чіаски—все это утаено издателемъ. (Замѣчаніе его на стр. XIV предисловія, что къ вариантамъ двухъ кодексовъ Ватик. (А) и Бордж. (В) etiam tribui debent lectiones nulla litera notatae, вислоко не поясняетъ подобныхъ вариантвъ). Весьма однакожъ замѣчательно совпаденіе съ этимъ оригинальнымъ для древности чтеніемъ выраженіе Ефрема Сирина, какъ извѣстно, пользовавшагося Таціановымъ Діамессарономъ, причемъ о вліяніи Арабскаго перевода на сирскія сочиненія Ефрема рѣчи конечно быть не можетъ,—у Assem. 1, 560. F. כִּזְבוּבֵי כִּזְבוּבֵי—*отецъ лжи* (сущ. жен. р. ед. ч.) о сатанѣ, какъ чтимомъ язычниками народами отцѣ и богѣ своемъ, въ связи съ Іоан. 8, 44: *ея отъ отца*

но расширяется и до болѣе общаго значенія, ибо силу словъ Своихъ Господь не ограничиваетъ его только

дiавола есте. Оносительно другихъ древнихъ переводовъ замѣтимъ: Итал. и Вулг. *cum loquitur mendacium ex propriis loquitur, quia mendax est et pater ejus* и вар *sicut et* только толкуютъ *ὅτι* въ причин. значеніи, а во всемъ прочемъ не содержатъ ничего болѣе соотвѣтствующихъ чтенію подлинника,—Сир Пеш „и когда (לִּי—לְךָ) говорить (לִּי) ложь (לִּי—לְךָ—жен. р. ед. ч.), отъ себя онъ говоритъ, *потому что* (לִּי—לְךָ) лжецъ (לִּי—לְךָ—муж. р. ед. ч.) есть онъ (לִּי) даже (или также לְךָ) отецъ его“ (לִּי—לְךָ)—суфф. мѣстоим. 3 л. ед. ч. муж. р. слѣд. или лжеца или *дiавола*. то есть: „*потому что* (онъ) лжецъ есть, даже (или также) отецъ лжеца“,—или: „*потому что* лжецъ есть также отецъ его (*дiавола*)“. Сир. Иер. „когда (לְךָ) будетъ (бываетъ) говорящимъ (לִּי) лжи (לִּי—לְךָ—мн. число), отъ себя онъ говоритъ,—*потому что* онъ (לִּי—לְךָ)—тотъ, что,—который онъ) лжецъ (לִּי—לְךָ) есть (или лжецъ онъ לְךָ) и также (или и даже לְךָ) отецъ его (לִּי—לְךָ—суфф. муж. р. ед. ч., то-есть *дiаволъ* есть также и отецъ лжеца или и отецъ *дiавола* есть также лжецъ. Сир. Син. „и когда (לִּי—לְךָ) говорить ложь (לִּי—לְךָ) сущ. жен. р. какъ у Ефр.), отъ себя говоритъ, *потому что* (לִּי—לְךָ) лжецъ (לִּי—לְךָ) онъ (לִּי—лж.) и отецъ его (לִּי—лж.)—суфф. муж. р. ед. ч. т.-е. илн *дiавола* или лжеца). Копт. (Мемф.) изд. Океф. 1898 г. „*потому что* (онъ) есть лживъ, и его отецъ также“. Въ древне-славянскихъ текстахъ также различаются *лжа* жен. р. и *лжъ*—*лжый*—лживый, *лжець*—муж. р. Поэтому и въ славянскомъ: „егда глаголетъ *лжу*, отъ своихъ глаголетъ, яко (значитъ и „что“ и „потому что“, какъ и греч. *ὅτι*, только Ал *заке*) лжъ есть и отецъ его“ мѣстоименіе *его* можетъ относиться только или къ „*лжъ*“, т.-е. *отець лжеца*, или къ *дiаволу*, т.-е. *отець дiавола*. Конъектура ркп. „*ея*“ и поздн. печ. Кут. 1662 г. *лжи*, относящая греч. *αὐτοῦ* къ *ψεῦδος* *экзегетически* конечно допустима по примѣру Ефрема Сирива и Араб. Діатессарона, но въ интересахъ точности перевода и его авторитетности (въ древнихъ текстахъ нѣтъ такой поправки) не можетъ быть одобрена (Ср. Blass Grammatik des Neut. Griechisch, 2-te ault. S. 170 Апт. 1 ср. § 47, 3. 10. и еще § 48. 6. S. 169,—Schmiedel—Winer, Grammatik des Neut. Sprachidioms II. 1. § 18, 8 ср. § 19, 14, и еще § 22. 9). Удовлетворительность даннаго въ древнихъ переводахъ и изъясненіяхъ толка (противъ манихейскаго отца *дiаволова*—*димиурга* говоритъ Іоан. 5, 43, гдѣ вопреки Христу, говорящему во имя Отца Своего—Бога, *дiаволъ* или *антихристъ* представляется говорящимъ не отъ лица другого, но *ἐν τῷ ὀνόματι τῷ ἰδίῳ*—слѣд. *ἐκ τῶν ἰδίων λέγει* 8. 44 указываетъ на *дiавола*, какъ на конечное первоначало зла и лжи,—и вообще мысль объ отцѣ *дiавола*—*димиургѣ* чужда новозавѣтнымъ писателямъ, въ частности Іоанну) устраняетъ надобность въ придумываніи новыхъ возможностей, кромѣ чисто филологическихъ затрудненій, всегда долженствующихъ имѣть противъ себя столь вѣскій аргументъ, какъ филологическое и экзегетическое чувство толкователей глубочайшей древности. Такъ напримѣръ возможенъ толкъ, принимающій *οτι* за „что“, а

правами, но относить ко всякому сходному съ нимъ, примѣняя частное свойство одного ко всякому подобному. Итакъ, когда Каинъ, сказано, или другой кто ему подобный лжець высказываетъ ложь, то онъ отъ собственнаго какъ бы сродства (отъ своей собственной природы) говоритъ. Въ томъ, что онъ узнаетъ отъ своихъ вождей и отъ первоначальнаго зла, обративъ ложь какъ бы въ природную потребность, онъ подражаетъ своему отцу, ибо говоритъ ложь. Поэтому, говоритъ, если у него и отецъ оказался лжелюбцемъ, онъ какъ бы уже естественными законами влечется

не за „потому что“, и „отецъ его“ за подлежащее при сказуемомъ „лжець есть“, причемъ можетъ разумѣться Богъ, какъ „отецъ“ или „дiавола“ или „Христа“. Переводъ будетъ возможенъ такой: „когда говоритъ ложь, отъ себя говоритъ, (а именно) что лжець есть и отецъ его“. Разумѣя подъ „его“—дiавола, можно будетъ видѣть (ср. Злат. къ эт. м.) указаніе на известный библейскій рассказъ о соблазнѣ прародителей дiаволомъ-змѣемъ указавшимъ на то, что будто бы Богъ сказалъ ложь о смерти, какъ слѣдствіи нарушенія заповѣди. (Быт. 3, 3—5). Но такое толкованіе можетъ встрѣчать затрудненіе со стороны грамматическаго строя предложенія, обобщающаго проявленія лжесловія (отсюда Пеш. множ. ч. *dglin*) дiавола (*δταν λαλη*), и безъ всякихъ субъективныхъ ограниченій, какъ безусловно-объективная истина, выраженное положеніе: „лжець есть и отецъ его“. Это второе замѣчаніе не позволяетъ толковать проявленіе дiавольскаго лжесловія и безъ историческихъ ограниченій, а вообще такъ: дiаволь отъ себя самого (какъ первоначальникъ всякаго зла вообще и лжи въ частности) говоритъ всегда ложь (такую), что (будто бы) лжець есть и Отецъ его—дiавола, т.е. Богъ,—такимъ образомъ своею ложью дiаволь набрасываетъ тѣнь и на истинность Бога, выставляя Бога такимъ же лжецомъ, каковъ есть и самъ онъ—дiаволь. Кромѣ того, Самъ Богъ, Верховное Первосущество, какъ „отецъ дiавола“, есть нѣчто мало-библейское, даже вѣгностическое, ибо отцомъ дiавола гностики считали не самого Бога, но низшаго димiурга. Хотя догматически допустима мысль, что, какъ Благій Творецъ, Богъ желаетъ быть отцомъ всѣхъ Своихъ тварей, т.е. чтобы всѣ они были богоподобны и добры какъ Богъ. Но сама тварь (дiаволь) не хочетъ быть богоподобною, не желаетъ сыновства Богу и признаетъ Бога не отцомъ, а врагомъ своимъ. Возможно наконецъ слова: „лжець есть и Отецъ его“ принимать за рѣчь дiавола (какъ бы за цитацию словъ дiавола въ рѣчи Господа), подобно 1 Иоан. 4, 20,—и „Его“ относить ко Христу (срав. для уясненія 1 Иоан. 1, 10,—24, особ. 2, 22—23 и 5, 10). Но и этому толкованію противорѣчитъ все древне экзегетическое преданіе.

къ дѣдовскому и отцовскому неблагородству, въ себѣ самомъ показываетъ ихъ худость и, порочность предковъ дѣлая достославнымъ образцомъ своихъ нравовъ и жизни, отличается конечно и своими собственными пороками. Если же это обыкновенно такъ бываетъ и порочность предковъ, отражаясь въ единоправныхъ съ ними потомкахъ, сообщаетъ этимъ послѣднимъ названіе дѣтей тѣхъ: то что препятствуетъ вамъ вѣрить и Мнѣ, говорящему истину, потому что именно отъ Истиннаго Отца рожденъ Я, а не отъ кого либо какъ вы нечестиво вообразили, изъ земныхъ, чрезъ блудъ и незаконное сожитіе?

Такія слова могъ употребить Господь противъ Іудеевъ. Но надо знать, что у людей или разумныхъ духовъ родствомъ оказывается то сходство, какое имѣютъ они въ нравахъ и жизни между собою и съ отцомъ всякаго зла діаволомъ. Только по отношенію къ Единородному въ образъ созерцаемаго берется (само) существо дѣла, такъ какъ Онъ является совершенно полнымъ образомъ (Бога Отца) и единоприродность у Него съ Отцомъ природная и по существу. Будучи отъ Него истинно и вмѣстѣ съ природными свойствами и совершеннымъ во всемъ подобіемъ имѣя у Себя все, что есть у Него (Отца), Онъ оказывается образомъ, отраженіемъ и начертаніемъ Своего Родителя. Поэтому если истиненъ Отецъ, то истина конечно есть и Тотъ, Кто отъ Него (рожденъ), то-есть Христось.

VIII. 46. Кто изъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ? ¹⁾

Не ожидающаго обличеній это вопросъ, но, напротивъ, уничтожающаго и всецѣло отрицающаго воз-

¹⁾ D и нѣк оп весь стихъ и вм *ἐλέγχει* немн неавтор чит—*χρ*. Вм *отъ древнест* и позд изъ Ал. Онъ же: *обличитъ*, слѣдую худш. чтенію (и одинъ XV Амф). Въ Асс оп *о грѣсѣ* и одно XV въ Амф оп весь стихъ.

возможность впаденія въ грѣхъ Тому, Кто есть яви-
 вшійся отъ Бога Истинный Богъ, ибо „грѣха не со-
 творилъ“ Христосъ (1 Петр. 2, 22). Всякій грѣхъ по-
 лучаетъ свое происхожденіе вслѣдствіе перемены изъ
 лучшаго въ худшее,—порождается онъ у существъ
 подверженныхъ измѣненіямъ и способныхъ перехо-
 дить къ недолжному. Какимъ же образомъ можно
 представлять согрѣшающимъ Того, Кто не вѣдаетъ
 перемѣнъ и неспособенъ переходить къ чему либо
 неподобающему, но, напротивъ, неизмѣнно пребываетъ
 въ Своихъ врожденныхъ Ему благахъ, притомъ не
 отъ другого кого, но отъ Себя же Самого? Итакъ,
 Господь вопрошаетъ Іудеевъ о томъ, могутъ ли они во-
 обще избличать Его во грѣхѣ? Разсужденіе это, по-
 нимаемое въ общемъ смыслѣ, должно простираться
 конечно на всякое прегрѣшеніе вообще. Но кромѣ
 того, примѣняя его надлежащимъ образомъ къ пред-
 мету рѣчи, замѣтимъ, что не о всякомъ грѣхѣ спра-
 шиваетъ въ настоящемъ случаѣ и въ ожиданіи обли-
 ченій дѣлаетъ это, но разсуждаемъ объ этомъ такъ:
 всегда особенно стараясь устыдить грѣхъ Іудеевъ,
 Онъ не желалъ чрезъ это снова возбуждать ихъ къ
 тѣмъ же обвиненіямъ, о которыхъ мы говорили ранѣе,
 именно: „не за доброе дѣло побиваемъ Тебя камнями,
 но за богохульство и за то, что Ты, человекъ будучи,
 дѣлаешь Себя Богомъ“ (Іоан. 10, 33). Сюда присо-
 единяли еще и нарушеніе субботы, за что считался
 Онъ большимъ преступникомъ закона. Итакъ, грѣхомъ
 въ настоящемъ случаѣ называетъ ложь. Если я, го-
 ворить, отнюдь не могу быть обличенъ какъ лжецъ,
 то чего же ради вы рѣшились невѣрить Мнѣ, Кто
 всегда истиненъ и говорю совершенно ясно, что ро-
 дился отъ Истиннаго Отца и что лжи не знаю? Дайте
 же наконецъ власть несомнительной вѣрѣ въ то, что

и Я конечно истиненъ, когда говорю о Себѣ: „Я отъ Отца изшелъ и пришелъ“ (8, 42), а о васъ, что отецъ вашъ—дѣволъ (ст. 44), ибо лжецы и убійцы вы такіе же, какъ и онъ. Обличаетъ же ихъ въ убійствѣ съ благою цѣлью какъ бы предупредить чрезъ это ихъ замыслы. Вѣдь грѣхъ, при обличеніи, часто устыжается, и какъ бы отступаетъ, не находя нигдѣ средствъ къ дальнѣйшему движенію и распространенію. Но, скрывшись по видимости, онъ всегда устремляется къ большому и несдерживаемый препятствіями увлекается къ послѣдному предѣлу худа.

VIII. 46. *Аще истину глаголю, почто вы не вѣруете Мнѣ? 1).*

Часто обращается къ повтореніямъ, когда видитъ, что слушатели не понимаютъ Его. Весьма подобающее это для учителей дѣло—не лѣниться всякимъ способомъ раскрывать сразу не понятую мысль, чтобы внѣдрять ее въ душахъ слушателей. Итакъ, „*когда лжецы, сказалъ, говоритъ ложь, (то онъ) отъ своего говоритъ*“, *ибо (онъ) лжецы есть какъ и отецъ его*“. Почему, не думая и не совершая родственнаго сказанному (Мною), вы не вѣруете и Мнѣ, говорящему истину, почему Я являюсь (какъ будто бы) говорящимъ противъ истины, хотя Я также истиненъ, какъ и Отецъ? Повидимому изобличаетъ здѣсь Іудеевъ въ томъ, что они не могутъ вмѣстить словъ истины потому, что они не суть сыны истины. Ложно они называютъ своимъ отцомъ Бога, когда говорятъ: „*одного отца имѣемъ—Бога*“, ибо Богъ, будучи всецѣло истинною, радуется истинѣ и желаетъ, чтобы поклоняющіеся Ему поклонялись

1) Греч. нѣк. приб. *δε*, Ал. *аще же*, Мар. и нѣк. поздн. *ми*, но въ другіе только: *аще*, соотвѣт. лучшему греч. чтенію. Ал. *не вѣруете Ми*, другіе: *не имѣете отъры Мнѣ*. Весь стихъ опуск. код. D и № 4 Амф. 15 в.

„*въ истинѣ и духѣ*“ (Іоан. 4, 24). Напротивъ чада истинны охотно принимаютъ родственное (ей) то-есть истину. *Вы же не вѣруете* Мнѣ, говорящему истину, потому что вы—не сыны истины.

Господь, какъ думается мнѣ, говоритъ здѣсь къ Іудеямъ нѣчто такое, что со всею ясностію можно увидѣть и въ примѣненіи къ другому кому либо. Напримѣръ къ распутному сыну или слугѣ или сосѣду цѣломудренный человѣкъ можетъ обратиться съ такою рѣчью: если, порицая блудъ, я представляюсь тебѣ цѣломудреннымъ и всецѣло отстраняющимъ отъ себя подозрѣніе въ этомъ порокѣ, то почему же ты не слушаешься и не вѣришь Моимъ словамъ, что это дурное и скверное дѣло? На такой вопросъ онъ не станетъ конечно отвѣчать отрицаніемъ, но, указывая на его непослушаніе, ясно изобличить его въ томъ, что, предаваясь распутству, онъ не слѣдуетъ увѣщанію къ цѣломудрію.

Тоже самое мы должны думать и объ Іудеяхъ, когда Христосъ сказалъ: „*если истину говорю, почему не вѣруете* Мнѣ?“ Подобнаго рода вопросы всегда предполагаютъ сознаніе вопрошаемыхъ, служащее къ изобличенію ихъ въ томъ, что у нихъ нѣтъ именно того, чего требуютъ отъ нихъ?

Обрати также вниманіе на то, что не безусловно и не вообще говоритъ: „*почему не вѣруете* Мнѣ, но присоединилъ еще „*вы*“. Этимъ указалъ на самыхъ свирѣпыхъ невѣровъ и на то, что могли присутствовать нѣкоторые съ болѣе благороднымъ образомъ мыслей и въ своихъ нравахъ не сохранявшіе точныхъ чертъ безнравственности Каина, но стремившіеся къ тому, чтобы сдѣлаться чадами Бога. Должно, полагаю, думать, что не всѣ безъ исключенія Іудеи были погружены въ неудержимое безуміе, но были нѣкоторые,

имѣвшіе *ревность о Богѣ*, какъ говоритъ Павелъ (Рим. 10, 2), *впрочемъ не по разуму*, и потому нѣсколько медлительными оказавшіеся въ вѣрѣ. Между настроенными такъ мы должны обвинять въ особенности тѣхъ, кои воспламенялись гнѣвомъ и неудержимо устремлялись къ убійству, преимущественно нечестивыхъ книжниковъ и фарисеевъ. Къ нимъ-то всего болѣе и направлены слова: „*почему вы не вѣруете Мнѣ*“, ибо Христосъ особенно имъ усволяетъ безмѣрное невѣріе. Вѣдь они были вождями и убѣждали своихъ подвластныхъ содѣйствовать ихъ злодѣйствамъ. Поэтому они справедливо обвиняются въ томъ, что взяли ключъ знанія, но и сами не входили, и другимъ препятствовали (Лук. 11, 52). Итакъ, слово „*вы*“ имѣетъ особенное и преимущественное отношеніе къ вождямъ.

VIII. 47. Иже есть отъ Бога, глаголовъ Божиихъ не слушаетъ: сего ради вы не слушаете, яко отъ Бога нѣсте ¹⁾).

Въ выраженіи „отъ Бога“ не подобаетъ видѣть указаніе на то, что существуютъ какіе-то рожденные какъ бы изъ Его существа, что нелѣпо. Но нельзя понимать и въ смыслѣ изреченія Павла: „все отъ Бога“ (2 Кор. 5, 18),—то-есть такъ какъ Онъ есть дающій всему бытіе Творецъ и Создатель, то божественный Павелъ и говоритъ, что все изъ Него. Поэтому нельзя такъ понимать это изреченіе Господа, что отъ Бога суть всѣ дурные и добрые, поскольку Онъ—Творецъ всего. Выраженіемъ „отъ Бога“ ука-

¹⁾ Нѣк. вм. *акоже чит. неслухать*. Въ D G и 113 оп. *бгг—ісгг*, въ Сир снхъ нѣтъ „отъ Бога“, а только: „потому что вы есте“ Ал: *иже снх*. Острог. Мст. Мар. Зогр. глаголъ *бжг*, Мир и *гль бжг*. Ник глаголы *бжгнхъ*, Аг *гль бжг*, Коист и поздн: *гль бжгн*. Сим. *слушаетъ* (Арх. оп.). Мар. *сего безъ ради*. Ал. *неслушаете отъ бга нѣсте* Остр. Мст Ник Ал *нѣсте отъ бга* Мар Зогр Асс Гал Мир

зываетъ на того, кто по добродѣтели и согласной съ закономъ жизни уподобляется Богу и удостоивается какъ бы средства съ Нимъ, почему Богъ и ставитъ таковыхъ въ число чадъ Своихъ. Итакъ, „*сущій отъ Бога*“, говоритъ, скоро и охотно восприметъ божественныя слова, ибо родственное всегда какъ то мило и близко. А кто не отъ Бога, то-есть нисколько не почитающій близость къ Нему, не станетъ съ удовольствіемъ внимать божественнымъ словамъ: добро не легко внѣдряется въ дурныхъ людяхъ, не бываетъ у нихъ достойнаго соревнованія влеченія къ добродѣтели, такъ какъ умъ у нихъ преисполненъ крайней испорченности и стремится къ одной только своей волѣ.

Когда же говоритъ Христосъ: „*сущій отъ Бога глаголы Бога слышитъ*“, то никто да не думаетъ, что повелѣваетъ намъ усвоить божественныя слова однимъ только тѣлеснымъ слухомъ, ибо кто изъ людей, какъ бы ни былъ онъ дуренъ, былъ бы не въ состояніи слышать всякаго рода рѣчи, если только чувство слуха не отнято у него вслѣдствіе болѣзни? Слово же „слышитъ“ употребляетъ здѣсь вмѣсто „сочувствуетъ, слушается и скрываетъ въ умъ свой“ согласно сказанному въ книгѣ Притчей: „премудрый сердцемъ восприметъ заповѣди“ (Притч. 10, 8). Какъ какой либо неясный звукъ или ударъ, пронесшись и напрасно потревоживъ ухо, слово исчезаетъ изъ сердца неразумныхъ и горделивыхъ, напротивъ въ сердце разумныхъ входитъ какъ въ плодотворную пашню.

Весьма ясно обличая безуміе Іудеевъ и открывая ихъ безстыдное злословіе, Господь говоритъ, что Его слова суть слова Бога. Научаетъ ихъ мыслить о Немъ подобающимъ образомъ, — не считать Его дѣйстви-

тельно родившимся отъ Іосифа или кого другого изъ земныхъ, но вѣрвать, что Онъ явился изъ существа Бога Отца какъ Богъ отъ Бога, что понявъ, они негодуютъ и воспламеняются сильнѣйшею яростію, прилагая „беззаконіе къ беззаконію своихъ“, какъ написано (Пс. 68, 28), чрезъ что наносятъ Ему еще большія оскорбленія.

VIII. 48. *Отвѣщаше Іудеи и рѣша Ему: не добръ ли глаголемъ мы, яко Самарянинъ еси и бѣса имаши? ¹⁾*

Заслуживаетъ слезъ опять эта тупость Іудеевъ и чрезмѣрная глупость. Уловляются своими собственными голосами, подобно звѣрямъ, когда они бросаются на охотниковъ и попадаютъ на ихъ ножи. Обличаемые въ томъ, что лжесловіе обычно и свойственно имъ, они тотчасъ же доказываютъ истинность этого обличенія и свирѣпѣютъ, слыша отъ Спасителя, что они не отъ Бога. И безъ всякаго промежутка времени являютъ въ себѣ точнѣйшій образъ зла дьявольскаго. Бога, явившагося отъ Бога, они дерзаютъ называть Самаряниномъ и бѣснующимся, сами напротивъ имѣя въ себѣ свирѣпаго и богоборнаго бѣса, ибо никто не скажетъ: „анаѰема Іисусъ“, какъ только Веельзевуломъ, по слову Павла (1 Кор. 12, 3). Итакъ, и здѣсь они оказываются лжецами, гордецами и ругателями и, какъ привыкшіе богоборствовать, получаютъ подобающее наказаніе отъ Всемогущаго Судіи.

Слѣдуетъ опять и здѣсь искать причину, по которой называютъ Господа Самаряниномъ и бѣснующимся. Предпосланныя ими слова: „не хорошо ли мы

¹⁾ Въ древнихъ Слав. какъ и греч. вѣтъ *убо* (Кіев. 1788 и тепер.) или *же* (Ник. Ал.). *Іудеи* всѣ древнесл. и Ал. вм. тепер. *Іудее* (Ник. *іудеи*). *Глаголемъ мы*—всѣ древніе греч. и слав. вм. тепер. *мы глаголемъ* согг. греч. *В* и *вѣк*.

говоримъ“ даютъ видѣть, что по какимъ то причинамъ и бранятъ Его Самаряниномъ и держатъ еще на другое названіе Его (бѣсноватымъ). Самаряниномъ называютъ Его за то, что Онъ безразлично относился къ заповѣдямъ закона и ни во что вмѣнялъ нарушеніе субботы. Вѣдь іудейство у Самарянъ было не полное, ихъ культъ представлялъ смѣшеніе нѣкоторое съ чужестранными обычаями и еллинскими. Или же по другой причинѣ называютъ Его Самаряниномъ, именно потому, что Самаряне имѣли обыкновение лживо хвастаться своею чистотою и осуждать другихъ какъ оскверненныхъ. Подъ этимъ, полагаю, предлогомъ „не сообщаются Іудеи съ Самарянами“, по написанному (Іоан. 4, 9), — отказываются отъ общенія также и съ нѣкоторыми другими, отвращаясь нѣкоторымъ образомъ отъ являющагося вслѣдствіе этого оскверненія, поскольку эта болтовня представляется имъ справедливою.

Осуждая злонравіе Іудеевъ, Господь называлъ ихъ сынами діавола, Себя же Самого неповиннымъ грѣху, свидѣтельствуя о всецѣлой чистотѣ Своей въ словахъ: „кто изъ васъ обличаетъ Меня во грѣхѣ?“ (выше ст. 46). Въ этихъ словахъ Онъ со всею очевидностію приписываетъ Себѣ совершеннѣйшую чистоту благодаря невозможности подпасть грѣху,—а называя Іудеевъ чадами сатаны, Онъ осуждаетъ ихъ какъ оскверненныхъ и имѣющихъ преисполненный всякой нечистоты умъ, что и истинно.

Вотъ почему называютъ Его Самаряниномъ, а бѣснующимся еще обзываютъ потому, что подобающую Богу честь бѣсы обыкновенно присвоятъ себѣ и безсовѣстно похищаютъ славу Божию. Это именно, по ихъ мнѣнію, и дѣлаетъ Христосъ, когда, будучи человекомъ, ставитъ Себя на мѣсто Бога въ словахъ:

„сущій отъ Бога глаголы Бога слышитъ“ (ст. 47), являя такимъ образомъ, что эти глаголы Божіи суть и Его собственные слова. Таковъ былъ предлогъ у Іудеевъ для порицанія, вѣрнѣе хуленія противъ Него, — и по такому побужденію они говорили Ему вышеприведенныя слова, что и обезопасило для нихъ вѣчный огонь.

Приходится мнѣ удивляться имъ опять и здѣсь. Гнѣваясь на то, что ихъ часто называли сынами діавола и лжецами, они на дѣлѣ показываютъ присутствіе въ себѣ этой вины, между тѣмъ какъ наоборотъ, посредствомъ стремленія къ добродѣтели надлежало бы отклонять это обвиненіе. Вѣдь любовь къ ругательству и не присущее кому либо называть присущимъ свойственно отнюдь конечно не тѣмъ, кои причислены къ чадамъ Божиимъ, но сынамъ діавола. А они, жалкіе, не только ругаютъ, изрекая ложь на свои головы, чтобы не сказалъ на Христа, но и утверждаютъ, что „прекрасно“ это дѣлаютъ, нисколько не сознавая своей порочности, что служить доказательствомъ крайней слѣпоты.

VIII. 49. *Отвѣща Іисусъ: Азъ бѣса не имамъ, но чѣмъ Отца Моего, и вы не чтете Мене* ¹⁾).

Рѣчь отличается кротостію, но вмѣстѣ и большекритичностію. Весьма выразительно говорить: „Я бѣса не имѣю“, и, какъ бы противопоставляя Себя имъ, являетъ Себя свободнымъ отъ порицанія за это, но наоборотъ—показуетъ, что въ дѣйствительности это относится къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они дѣйствительно не имѣли бѣса, то безъ сомнѣнія испугались бы называть бѣснующимся Того, Кто по-

¹⁾ ἄ καὶ ἰβκ. приб. καὶ εἶλεν. какъ и ибк. Слав. Амф. и рече и мѣ. Ал: а вы беществите.

средствомъ дѣлъ засвидѣтельствованъ предъ ними какъ Богъ. Поэтому весьма цѣлесообразно говорить: „Я не имѣю“, какъ бы перенося это обвиненіе на нихъ и именно имъ въ дѣйствительности усвояя такое состояніе (бѣснованія). Итакъ, Я, говорить, не имѣю, но вы очевидно (имѣете)—*бѣса*, но *что* Моего Отца, называя Себя Самого Богомъ и явившимся отъ Бога и утверждая, что не знаю грѣха. Вѣдь Богомъ быть конечно надлежитъ Тому, Кто отъ Бога,— и Сущій отъ Невѣдущаго грѣха долженъ оказываться такимъ же, каковъ Тотъ, отъ Кого Онъ есть. Въ противномъ случаѣ Мнѣ необходимо было бы отказаться отъ противорѣчія вамъ и Я не сталъ бы говорить о Себѣ такія высокія слова. Вѣдь для Бога не было бы никакой чести, если бы о Немъ думали, что Онъ имѣетъ такого сына, который не есть Богъ. Нисколько бы, говорить, не былъ почтенъ Отецъ, если бы Онъ назывался отцомъ того, кто впадаетъ въ грѣхъ. Итакъ, свидѣтельствуя о Своей собственной славѣ, Я, говорить, отнюдь не поношу, какъ вы предполагаете, но напротивъ *что* Моего Родителя.

Что Его также и другимъ образомъ, именно когда говорю со всею справедливостью о васъ, что вы не отъ Бога, такъ какъ о дошедшихъ до такой злобы и погруженныхъ во всякую порочность не подобаетъ говорить, что они отъ Бога. Богъ чтить и удостоиваетъ близости къ Себѣ конечно не лжеца, ругателя, хулителя, гордеца и обидчика, ни склоннаго къ неправедному убійству, но честнаго, кроткаго, благочестиваго, боголюбиваго и добраго. Итакъ, и тѣмъ еще *что* Отца, что поставляю внѣ общенія съ Нимъ тѣхъ, кои подвержены крайнему нечестію. А *вы* опять и дѣлающаго это *безчестите* и нападаете на Его похвалы Отцу, такъ что оказываетесь нечестивцами не только

противъ Сына, но уже и противъ Самого Отца. Вѣдь если Я, свидѣтельствуя о Своей высотѣ, тѣмъ самымъ *чту* Родителя Моего, то безъ сомнѣнія *обезчеститъ*, говорить, Его тотъ, кто станетъ подвергать чрезмѣрнымъ поношеніемъ Сущаго отъ Него (Его Сына).

Такъ всесторонне подтверждаетъ Христосъ Свои слова и ясно открываетъ, что Онъ есть Богъ по природѣ,—и чрезъ то, говоритъ, посредствомъ чего читается Отецъ, при совершенномъ отсутствіи общенія съ Нимъ въ толпѣ нечестивцевъ, являетъ Іудеевъ совсѣмъ чуждыми Богу; ибо что можетъ быть нечестивѣе такихъ рѣчей ихъ?

VIII. 50. Азъ не ищу славы Моея: есть ищя и судя ¹⁾).

Со всею ясностью въ этихъ словахъ открывается справедливость сказаннаго Петромъ о Спасителѣ нашемъ: „Онъ, бранимый, не воздавалъ бранью,—стрададая не грозилъ, а предавалъ Судящему право“ (1 Петр. 2, 23). Въ самомъ дѣлѣ, смотрите, какъ Онъ, хотя нечестивцы высказываютъ Ему ужасныя и невыносимыя оскорбленія и это слышитъ Онъ часто, а не одинъ разъ,—переноситъ со свойственною Ему благостію и отнюдь не выступаетъ изъ подобающаго Ему поведенія, дѣлая и это въ образецъ намъ, дабы по „слѣдамъ Его“ стараясь ходить, мы не оказывались воздающими „брань за брань“, ни другое какое либо „зло за зло“ (1 Петр. 3, 9) наносящимъ намъ оскорбленія, но напротивъ побѣждали „добромъ зло“ (Римл. 12, 21). Итакъ, „*Я не ищу славы Моей*“, говорить,—и это оказывается говорящимъ не потому, чтобы считалъ дѣломъ безопаснымъ желаніе оскорблять Его или поощрять кого либо доходить до такого не-

¹⁾ Кир. и нѣк. оп. *де*, какъ нѣк. слав. поздн. Амф. Но древнеслав. согл. автор. греч.: *азъ же* и Ал.

честія,—напротивъ этимъ Онъ высказываетъ слѣдующее: Я пришелъ, говорить, не съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти отъ васъ славу Себѣ, или вообще стремясь къ какой либо почести и блестящей молвѣ о Себѣ, ибо Я унижилъ Себя,—будучи въ образѣ Бога и Отца, сталъ ради васъ подобнымъ вамъ человѣкомъ,—даже не почелъ для Себя недостойнымъ принять образъ раба, имѣя возможность остаться въ равенствѣ съ Богомъ и Отцомъ и обладать превышающею умъ и слово славою,—какимъ же еще образомъ обо Мнѣ можно думать, что Я ищу славы отъ кого либо, а не наоборотъ желаю пребыть въ добровольномъ безславіи для пользы другихъ?

Или это говоритъ здѣсь Христосъ, или же другимъ образомъ можно понимать то, что Онъ не ищетъ Своей славы. Вѣдь Онъ могъ тотчасъ же наказать оскорбителей Своихъ и совершить за хуленіе судъ надъ ними, какъ надъ нечестовавшими противъ Самого Господа всяческихъ. Однакожъ Онъ переноситъ молчаливо обиду и является терпѣливымъ настолько, что не хотѣлъ воздать обидою Своимъ оскорбителямъ даже и однимъ только простымъ словомъ. Но чтобы нечестіе противъ Бога кому либо не показалось дѣломъ не важнымъ, Онъ считаетъ необходимымъ тутъ же дать и нѣкоторое предохраненіе отъ этого и выставилъ противъ этого гнѣвъ Отца. Хотя Сынъ и незлобивъ и не мститъ тотчасъ же за Свою славу (за оскорбленіе Себя), но Отецъ, говоритъ, этого не допуститъ. Онъ будетъ отмстителемъ и возстанетъ на хулителей, не въ качествѣ защитника кого либо другого и не изъ желанія воздать должное за оскорбленіе одного изъ святыхъ, но именно за грѣхъ, направляющійся противъ Него Самого. Вѣдь между Отцомъ и Сыномъ нѣтъ ничего раздѣляющаго Ихъ,

поскольку это касается, говоримъ, до тожества сущности, хотя Каждый и долженъ мыслиться существующимъ особо (лично). Поэтому Господь нашъ Иисусъ Христосъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: „не чтущій Сына, и Отца не чтитъ“ (Іоан. 5, 23). Сынъ имѣеть въ Себѣ Самомъ природно (по природѣ) Отца сопрославляемымъ и въ качествѣ другаго сосуществующимъ особно. Также опять и Отецъ имѣеть въ Себѣ Сына, какъ общника сущности, и такимъ образомъ славы во всемъ. Итакъ, подвергнутся наказанію несчастные Іудеи за хуленія Господа и Сына, оказавшись нечестивцами противъ всей Единосущной (*ἑμοούσιον*) и святой Троицы и царственной надъ всѣмъ Природы, какъ оскорбившіе ее въ Сынѣ.

Поэтому всякому благоразумному человѣку должно отречься отъ оскорбленія чѣмъ бы то ни было благого Бога. Не слѣдуетъ быть нерадивыми только потому, что Онъ не наводитъ тотчасъ же Свой гнѣвъ на согрѣшающихъ противъ Него, ибо Онъ благъ, „не наводитъ гнѣвъ каждый день, но если не обратимся, мечъ Свой отточить“ (Псал. 7, 12—14), по написанному,—и натянетъ лукъ Свой на насъ, въ коемъ сосуды смерти, то есть всякаго рода позоръ и невыносимыя бѣдствія.

VIII. 51. Аминь, аминь глаголю вамъ: ище кто слово Мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти во вѣкъ ¹⁾.

Излишнимъ являетъ здѣсь вдаваться въ продолжительные споры съ людьми, привыкшими къ порицаніямъ. Обращаемъ рѣчь къ тому, что было необходимо, то есть къ призванію чрезъ вѣру къ жизни

¹⁾ Кир. *τον λόγον μου*, какъ нѣк. вм. *τὸν ἐμὸν λόγον*, какъ въ толк. согл. автор. или *τὸν λόγον τὸν ἐμὸν*.—*ἰδὲ*—нѣтъ такого варіанта, вм. автор. *θεωρεῖσθαι*, но въ толк. *ὑψεσθαι*, какъ Ориг Слав: *соблюдетъ слово Мое* Ассем. *не узритъ* Ал.—*εἰς* *εἰς* О. Мар. Зогр. Асс. Ал. *εἰς* *εἰς* Гал. Мст. Мир. Карп. Ник.

вѣчной и, какъ бы распрощавшись съ невѣжественными обидчиками, искусно опять построитъ рѣчь Свою. Сказавъ ранѣе какъ о Богѣ, что „*сущій отъ Бога рѣчи Бога слышитъ*“, тотчасъ же продолжаетъ: „*если кто Мое слово соблюдетъ*“, являя Себя Богомъ по природѣ и тѣмъ научая, что для Иудеевъ уже ничего не осталось до послѣдней ступени нечестія, если они называютъ имѣющимъ бѣса Того, Кто даетъ вѣчную жизнь желающимъ *соблюдать слово* Его. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ и чрезъ это Онъ не познается какъ Богъ по природѣ? Кому же другому можетъ подобать сила животворить навсегда слушающихъ слова отъ Него, какъ не Богу по природѣ? А соблюдается слово божественное тогда, когда не преступаютъ божественную заповѣдь, но постоянно и неукоснительно исполняютъ постановленное и никоимъ образомъ не подвергаются обвиненію въ неисполненіи божественныхъ законовъ.

Замѣчай опять, какую точность имѣетъ это изреченіе. Не допустилъ сказать: „если кто услышитъ Мое слово“, но: „*если кто Мое слово соблюдетъ*“. Вѣдь слухомъ воспринимаютъ слово Божіе не только люди, повинные грѣху, но и само нечестивое скопище демоновъ. Такъ вождь всѣхъ бѣсовъ сатана, когда дерзалъ искушать Господа нашего Иисуса Христа въ пустынѣ и пралъ противъ рожновъ по причинѣ великой свирѣпости своего нрава, предлагалъ Ему божественное слово, сказавъ: „написано, что ангеламъ Его заповѣдуется о Тебѣ—сохранить Тебя во всѣхъ путяхъ Твоихъ“ (Лук, 10, 4; Псал. 90, 11). Итакъ, не въ простомъ только слышаніи—слово спасенія и не въ одномъ только ученіи жизнь, но въ соблюденіи слышаннаго и въ томъ, чтобы божественное слово служило какъ бы правиломъ и руководителемъ жизни.

А въ изреченіи, что „*смерти не увидитъ во вѣкъ*“ твердый стражъ Его словъ конечно отнюдь не уничтожаетъ смерть плоти, но или какъ Богъ не считаетъ смерть смертью, ибо для Него нѣтъ ничего мертваго, какъ скоро Онъ даже несуществующее приводитъ въ бытіе и подвергшееся тлѣнію легко животворить,— или же говорить о томъ, что смерти не узрятъ святые въ будущемъ вѣкѣ, который въ собственномъ смыслѣ и долженъ считаться истиннымъ вѣкомъ, не имѣющимъ конца, какъ (имѣетъ конецъ) этотъ нашъ (вѣкъ). Словами, что не узрятъ смерти въ томъ вѣкѣ соблюдишіе Его божественное ученіе не указываетъ на то, будто нѣкоторые послѣ воскресенія могутъ умереть: смерть всѣхъ разрушена смертью Христа и исчезла власть тлѣнія. Но со всею справедливостію называется смертью наказаніе вѣчное. Въ этомъ можешь убѣдиться, принявъ въ разсужденіе Его раннѣйшія слова: „истинно говорю вамъ, вѣрующій въ Сына имѣетъ жизнь вѣчную, а невѣрующій Сыну не узритъ жизни“ (3, 36), хотя всѣ оживутъ и снова войдутъ въ жизнь, какъ вѣрующіе такъ и невѣрующіе, ибо воскресеніе отнюдь не частично, но одинаково для всѣхъ въ томъ именно отношеніи, что оживутъ всѣ.

Но какимъ же образомъ невѣрующій Сыну жизни не узритъ, хотя ожидаемъ воскресенія всѣхъ? Всякому безъ сомнѣнія извѣстно, что жизнью Христосъ обычно называетъ вѣчное житіе въ блаженствѣ и славѣ, незнающей конца, что въ надеждѣ сберегается для святыхъ. Какъ не повинующійся Сыну, говорить, окажется не узрѣвшимъ жизни, хотя всѣ ожидаютъ оживленія, указуя этимъ не на жизнь тѣла, но называя такъ уготованное святымъ блаженство: такимъ же, думаю, образомъ благородный и мужественный стражъ божественныхъ Его словъ не узритъ, гово-

рить, смерти во вѣкъ, обозначая этимъ конечно не смерть тѣла, но уготованное грѣшникамъ наказаніе. Какъ въ томъ изреченіи указывается на блаженство посредствомъ жизни, такъ и здѣсь—наказаніе посредствомъ слова смерть.

VIII. 52. *Рѣша Ему Иудеи: нынѣ разумѣхомъ, яко бѣса имаши* ¹⁾).

Опять выступаютъ съ обвиненіемъ противъ истины, негодуя какъ оскорбляемые тѣмъ, что Господь называлъ ихъ лжецами. Но даже противъ своей воли свидѣтельствуютъ объ истинности словъ Спасителя и чѣмъ думаютъ обезчестить Его, тѣмъ самымъ показываютъ напротивъ, что Онъ говорилъ правду. Слепы они были, несчастные, и имѣли сердце исполненное такой безчувственности, что совсѣмъ не думали объ обязанности устранять то, въ чемъ они обвинялись, но всегда впадали въ (новые) пороки, еще болѣе постыдные, чѣмъ прежніе, и уловлялись своими собственными сѣтями. Вотъ думаютъ защищаться въ томъ, что не напрасно порицаютъ Его, а между тѣмъ этимъ самымъ только еще болѣе избличаются во лжи и еще сильнѣе какъ бы задушаются цѣпями своихъ собственныхъ прегрѣшеній. Весьма безразсудно говорятъ именно здѣсь: „нынѣ узнали мы“. Вѣдь они часто лаяли на Него и поносили тѣмъ, что Онъ имѣетъ бѣса, а между тѣмъ говорятъ, что *теперь* только *узнали* они, осуждая тѣмъ самымъ свою прежнюю необузданность языка. Вѣдь если *теперь* только они *узнали*, то не знали прежде. Какъ же говорили

¹⁾ Греч. одни такъ, др. съ *ουκ*,—Древнесл. и Ал.: *же*, Конст. и поздн. убо. Остр.: *рѣкоша*, Гал. Мст. *бѣса* вм. др.: *бѣсѣ*. Въ древн. и Ал.: *иудеи* вм. теперешняго нововведеннаго *жидове*, требующаго исправленія по древнему тексту.

они, что бѣснуется, о Томъ, Кого еще не знали, по ихъ же собственному утвержденію? Да, лживъ былъ издавна и прежде нечестивый народъ іудейскій и необузданными устами изрекалъ на Христа діавольскую злобу. А для подтвержденія своей болтовни похищаютъ изреченіе Спасителя нашего Христа, благодаря, какъ надо полагать, великой глупости своей надѣясь защищать истину ложью.

Затѣмъ, чрезъ что могли узнать, что нечестиво прегрѣшаютъ, незаконно оскорбляя Подателя вѣчной жизни, чрезъ это самое они опять незамѣтно шли къ усиленію своего недуга, ибо не думаютъ о томъ, что имъ надо покаяться въ этомъ, но уже утверждаютъ, что они убѣждены въ истинѣ своихъ словъ ¹⁾... И истиненъ пророкъ, говорящій, „что прямы пути Господа и праведники пойдутъ по нимъ, а нечестивцы изнемогутъ въ нихъ“ (Ос. 14, 9).

И здѣсь каждый долженъ поразиться несравнимымъ безуміемъ ихъ. Видя, какъ однимъ гласомъ Спаситель сокрушалъ безчисленное множество бѣсовъ и злыхъ духовъ и противъ воли ихъ изгонялъ ихъ изъ тѣхъ, въ комъ они были, не боятся говорить, что Онъ имѣетъ бѣса, хотя посредствомъ необходимыхъ разсужденій они удостовѣрялись въ томъ, что сатана не могъ бы изгнать сатану, „ибо всякое царство, говоритъ Христосъ, раздѣлившееся въ себѣ, запустѣетъ,—и всякій домъ и городъ, раздѣлившійся въ себѣ, запустѣетъ,—и если сатана сатану изгоняетъ, въ себѣ раздѣлился онъ: какъ же устоитъ царство его?“ (Матѣ. 12, 25—26). А вотъ и еще нѣкто скажетъ, и весьма справедливо: „народъ дѣйствительно безумный и безсердечный, глаза у нихъ—и не смот-

¹⁾ Здѣсь что-то пропущено.

рять, уши у нихъ—и не слышать“ (Иерем. 5, 21). Ни словомъ или ученіемъ они не перемѣняются къ тому, чтобы желать лучшаго образа мыслей, ни глазами ума своего не видятъ царственную надъ всѣмъ природу, но чрезмѣрнымъ безчестіемъ, какъ бы камнями какими, они побиваютъ ее, а вѣрнѣе—каждый свою душу.

VIII. 52. Авраамъ умре и пророцы (умроша), и Ты глаголеши: аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не вкуситъ во вѣкъ ¹⁾.

Когда дерзкій народъ іудейскій лгалъ на собственную свою голову, говоря Спасителю: „бѣса имѣешь“, то онъ ничего другаго не хотѣлъ этимъ выразить, какъ то, что Ты дѣлаешь Себя Богомъ, если переносишь на Себя подобающую божественной природѣ честь и славу, ибо это обычно для демоновъ, о чемъ уже говорили мы въ другихъ мѣстахъ. Не разумѣютъ ничего болѣе видимаго и не признаютъ Бога-Слово въ человѣческой плоти, но, не возвышая даже на немного свой умъ надъ тѣлеснымъ и утверждаясь на одномъ только земномъ, вращаются въ однихъ только низшихъ явленіяхъ, подлежащихъ чувственному ощущенію. По этой причинѣ они и соблазняются, несчастные, и думаютъ, что Истина, тоестъ Христосъ, говоритъ ложь,—предполагаютъ даже, что Онъ превозноситъ Себя выше подобающей Богу славы, если рѣшается поставлять Себя не на равнѣ съ Вседержителемъ, но думаетъ о Себѣ уже нѣчто большее и полагаетъ, что можетъ, или даже обѣщается сдѣ-

¹⁾ Греч. вѣкъ: *ὄν θανάτου*. Слав. *яко аще*, но Ал. безъ *яко*. согл. греч.—Асс. *аще слово Мое соблюдете не илать*. Ал. *умре* вм. древн. *умрътъ*, и *не вкуситъ* вм. древн. *не илать вкусити*. Гал. *Мст во вѣки* вм. вѣкъ др. согл. греч.

латъ то, чего не содѣлалъ Богъ и Отецъ. Для подтвержденія этого слѣдуетъ разсмотрѣть, на что негодуютъ они, говоря, что Авраамъ умеръ и пророки,—и чего ради для опроверженія словъ Спасителя выставляютъ на видъ смерть святыхъ. Хотятъ они высказать вотъ что: мы не обманываемся, говоря, что Ты имѣешь бѣса,—не далеко доказательство этихъ нашихъ словъ,—ибо вотъ Ты общаешься превзойти чудесами даже Самого Бога и легко совершить то, чего не содѣлалъ Онъ Самъ,—вѣдь Авраамъ и пророки, хотя и соблюдише слово Бога, не стояли въ противорѣчїи съ законами природы, но подверглись и подпали общей этой смерти тѣла,—потомъ Ты говоришь, что стражъ словъ Твоихъ совсѣмъ не вкуситъ смерти, какъ же не утверждаешь этимъ, что Твои дѣла выше дѣлъ Его, и общающійся превзойти Бога, развѣ не есть очевидный безумецъ? По великому невѣжеству своему они думаютъ, что въ этихъ словахъ Господь указываетъ только на смерть тѣла и что повинующимся Ему Онъ общаетъ безсмертіе плоти, хотя благоразумнымъ прежде всего слѣдовало имѣть въ виду, что у Бога ничто не умираетъ, будучи оживотворяемо, если и умретъ. Вѣдь если изъ несущаго перешло въ бытіе, то не тѣмъ ли легче и удобнѣе это уже перешедшее можетъ быть вызвано опять къ бытію, хотя бы ради домостроительства и уснувшее нѣсколько? Итакъ, не зная славы Спасителя, Іудеи какъ бы надмѣваются надъ словами Его и называютъ Его бѣснующимся за то, что Онъ общался сдѣлать нѣчто превеликое, чего не совершилъ Богъ,—и въ доказательство этого своего навѣта приводятъ смерть Авраама и святыхъ пророковъ, и чрезъ это думаютъ обличить Христа въ величанїи пустыми словами, какъ общающагося дать непрестанную жизнь

соблюдающимъ слово Его, но уничтожающаго славу Божию тѣмъ, что увѣряетъ дать имъ нѣчто большее.

VIII. 53. Егда Ты болій еси отца нашего Авраама, иже умре? и пророцы умроша.

И здѣсь рѣчь Іудеевъ затемнена и, кажется, заключаетъ въ себѣ прикровенную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, что опять и въ этихъ словахъ высказываютъ они, разумѣя нѣчто хотя и человѣку подобающее, однакожь горькое, по ихъ намѣренію? Вотъ, говорятъ, хотя и соблюли божественное слово, однакожь умерли Авраамъ и пророки, а отъ Тебя мы только что слышали обѣщаніе нѣкоторымъ чего-то большаго. Вѣдь если Ты говоришь, что они не умрутъ совсѣмъ, то безъ сомнѣнія они выше названныхъ (Авраама и пророковъ), именно потому, что не умрутъ. Поэтому скажи же намъ, говорятъ, и отвѣть намъ на такой вопросъ: „*больше*“ ли Самъ то *Ты Авраама* и пророковъ, если обѣщаешься и другихъ сдѣлать больше тѣхъ? Неужели не умрешь Ты, между тѣмъ какъ тѣ умерли, но пребудешь безсмертенъ, будучи человѣкомъ и имѣя тѣло отъ земли? Какъ бы могъ Ты другимъ дать то, чего Самъ не имѣешь? Вѣдь безъ сомнѣнія умрешь Ты, какъ скоро Ты—человѣкъ. Если же Ты не больше Авраама и пророковъ и подвергнешься общей съ ними смерти, то и не будешь въ состояніи другимъ дать то благо, какого и у Тебя нѣтъ. Подобную этой мысль имѣетъ ихъ двусмысленный вопросъ.

И не дивись тому, что ничего большаго не думаютъ о Христѣ. Какъ уже часто и обстоятельно говорили мы, они считаютъ Его простымъ человѣкомъ и однимъ изъ подобныхъ намъ, совершенно не зная соединеннаго съ плотію Единороднаго Бога Слова.

Поэтому спрашиваютъ: „*къмъ Себя дѣлаешь*“, думая поправить по чрезмѣрному заблужденію своего ума ошибающагося Господа и совѣтуя Ему, какъ невѣдущему должнаго, думать нѣсколько скромнѣе. Вѣдь Ты, говорятъ, не знаешь Своей природы, забылъ о Своемъ человѣчествѣ и не довольствуешься данною Тебѣ отъ Бога мѣрою. *Кого* же въ самомъ дѣлѣ *изъ Себя дѣлаешь*, если обѣщаешь дать нѣчто высшее сообщенной отъ Него (Бога человѣку) почести и смѣло утверждаешь, что совершишь нѣчто превосходящее Его (Бога) силу? Такимъ образомъ они обвиняютъ Его въ богохульствѣ и уже на подобіе змѣй набрасываются на Него, полагая, что Христосъ долженъ подвергнуться справедливому наказанію за то, что Онъ не чтитъ мѣру человѣчества, но настолько возвеличивается и возвышается, что уносится за предѣлы присущей Владыкѣ всего славы и попираетъ честь святыхъ патріарховъ и пророковъ. Предлагая этотъ вопросъ: „*къмъ Себя творишь*“, коварно вызываютъ Его на отвѣтъ и уже ожидаютъ ясно услышать отъ Него такой возгласъ: да, Я больше и Авраама и пророковъ, хотя эти слова Господа были бы безусловно истинны, поскольку ни въ какомъ сравненіи съ человѣчествомъ не можетъ стоять Богъ, превышающій всякую природу, какъ видимую такъ и духовную.

VIII. 54. *Отвѣща Іисусъ: аще Азъ славлюся Самъ, слава моя ничто же есть* ¹⁾.

Вся цѣль изреченія направляется къ лицу Авраама святаго и пророковъ, но Господь значеніе его, какъ видимъ, примѣняетъ къ Себѣ въ виду того, что скло-

¹⁾ *ничтоже*—древне слав и Ал въ тепер *ничесоже*. Ал себе въ самъ.

нень былъ, даже безъ всякаго для сего предлога, ко гнѣву фарисей и всякое слово только усиливало въ немъ свирѣпое желаніе смертоубійства. Удобопреклонными ко грѣху зависть дѣлаеть тѣхъ, въ комъ она есть и возбуждаеть яростный гнѣвъ на то, на что совсѣмъ не подобаеть. Христось желалъ опять выразить нѣчто такое: Іудеи нападали и всячески противодѣйствовали словамъ Его, обильно пользуясь для сего блаженнымъ Авраамомъ и пророками и ясно возглашая: „неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умеръ и пророки умерли“ (ст. 53). Кромѣ того они потомъ обвиняли Его въ превышеніи славы святыхъ и превозношеніи надъ ними, говоря: „кѣмъ Себя дѣлаешь“. Противъ этого Господу надлежало ясно защищаться и сказать предъ всѣми: да, Я больше и выше Авраама и пророковъ, но велемудрый Іудей не вынесъ бы такой рѣчи,—тотчасъ же вознегодовалъ бы на это и, представляясь питающимъ любовь къ Отцу и прикрываясь защитою славы святыхъ, еще пламеннѣе напалъ бы на Христа и сталъ бы казаться справедливо питающимъ смертоубійство на Него. Вотъ почему Господь, перенесши слова на Самого Себя, говорить: „если Я славлю Самого Себя, слава Моя есть ничто“. Какъ бы такъ говорить: никто изъ сущихъ на землѣ да не думаетъ великое о себѣ, ибо если захотимъ разсуждать въ себѣ самихъ о томъ, какова есть слава человѣческая, то найдемъ ее не существующею: „всякая плоть трава и всякая слава человѣческая какъ цвѣтъ полевой“ (Иса. 40,—6), —ничего, говорить, поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что скончался Авраамъ и послѣ него пророки, ибо что такое слава человѣка, когда его природа находится подъ властію сметри и тлѣнія, уподобляясь этимъ легко вянущей травѣ?

Искусно примѣнивъ къ Себѣ присущую Аврааму или пророкамъ мѣру и сказавъ: „слава Моя ничто есть“, кажется, приводитъ этимъ на память Іудею то, что ясно говорилъ о себѣ Авраамъ: „я земля и прахъ“ (Быт. 18, 27), и что блаженные пророки возглашали къ Богу: „вспомни, что персть мы“ (Пс. 102, 14). Въ виду этого мы конечно не скажемъ, что прославляющій святыхъ умаляетъ славу ихъ. Но необходимо было наконецъ и польза слова вызывала къ тому, чтобы Онъ показалъ, какое различіе имѣетъ божественная и неизреченная природа Его отъ подверженныхъ смерти и тлѣнію.

VIII. 54. *Есть Отецъ Мой, славяй Мя.*

Для точнаго уясненія и раскрытія мысли этого изреченія воспользуюсь тѣми же словами и употреблю тѣ же выраженія. Какъ непреодолимое какое доказательство и неотвратимый доводъ Іудеи всегда выставляютъ вопросъ: „неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умеръ, и пророки умерли,—къмъ Себя творишь?“ Они и дѣйствительно были убѣждены, что умереть и подвергнется смерти и тлѣнію и Самъ Онъ и въ этомъ отношеніи не будетъ больше Авраама и святыхъ пророковъ,—и вообще совсѣмъ ничего великаго не думали о Немъ. Въ виду этого Господь нашъ Іисусъ Христосъ считаетъ наконецъ необходимымъ показать, что Онъ, какъ сущій изъ вѣчности Родителя (происшедшій отъ вѣчнаго Отца), и Самъ есть вѣченъ. Поэтому говорить: „*есть Отецъ Мой, славящій Меня*“.

Слово „*есть*“ надо разумѣть здѣсь не въ простомъ и обычномъ значеніи, но какъ указаніе на существованіе Отца. А рожденный неизреченно отъ существующаго Отца Сынъ безъ всякаго сомнѣнія обладаетъ